

Некоторое время назад Игоря со скандалом поперли из органов – но не за пушистое рыльце, а наоборот, из-за обостренного чувства справедливости. Игорь – как станет известно чуть позднее, натура астеническая – увольнение и сопутствующие ему обстоятельства переживал тяжело, долго надоедал жене грустной безработной миной, а теперь стоит перед обшарпанной котельной где-то на окраине города. Котельная выглядит недееспособной, но внешность, разумеется, обманчива – внутри укрылся отдел все тех же органов, куда пристраивают провинившихся в прошлом сотрудников и набедокуривших генеральских сынков. Правда, чем именно занимается отдел, Игорю почему-то никто не говорит: начальство отказывается по идейным соображениям, а свежеспеченные напарники, кажется, и сами в большинстве своем не знают. Ничего хорошего такие условия труда обещать не могут, а тут еще и в семье бесконечный круговорот ругани и обид – в общем, хоть вешайся. От прошлого владельца в кабинете Игоря как раз осталась веревка на дверной ручке...

«Отдел» – не самый новый роман поэта (именно так до недавнего времени было принято определять цеховую

принадлежность автора, хотя теперь, конечно, нужно переучиваться) Алексея Сальникова, впервые вышедший года три назад в журнале «Волга», и особого внимания он к себе в ту пору не привлек. Через несколько лет в той же «Волге» напечатали «Петровых в gripпе и вокруг него», ну а дальше вы сами знаете – премиальные листы различной длины, восторги критиков и неумолчная читательская осанна до самых небес. Восхищенные придыхания стали настолько общим местом, что рекомендовать «Петровых» к прочтению уже как-то неловко, но это был действительно нерядовой роман, и познакомиться с ним стоит каждому, кто хоть немного интересуется современной отечественной литературой.

На фоне этого с «Отделом» приключилась одна неприятная, но, в общем-то, ожидаемая история – он заметно скучнее и во всех смыслах обыденнее «Петровых». То есть перед нами не тот случай, когда бриллиант проглядели – «Отдел» поселился под толстой картонной обложкой исключительно потому, что спрос дюже велик и хорошо бы утолить его предложением страниц на четыреста. Если вы вдруг прочитали это предложение с обвинительной интонацией, перечитайте лучше с констатирующей – сам-то роман очень неплохой, такими не то чтобы все полки завалены, так что никакого коварства в подобной издательской расторопности нет. Вопрос лишь в том, готовы ли вы тратить время на «просто неплохой роман» – даже если он действительно очень неплохой, а заботливый автор, по слухам, аж переписал для вас журнальную концовку.

Все, что роднит «Отдел» с «Петровыми» – так это язык, отдающийся в голове читателя глуховатым эхом знакомой изобретательности. Сальников все так же умудряется – вернее сказать «уже тогда умудрялся» – вворачивать что-то неожиданное там, где его по всем признакам ждать не приходится, но делает это куда реже. Винить стоит не только болтливых персонажей – здесь, по ощущениям, на порядок больше диалогов – но и общий концепт: свежееотпечатанный роман куда более прямолинейный и бесхитростный. Там, где в «Петровых» на наших глазах варилась сладкая манная каша из гриппозного сна и чахоточной яви, «Отдел» уверенной рукой документирует кафкианский реализм российской действительности – а из таких материй, как известно, каши не сварить, тут важнее сюжет и четкая артикуляция.

С сюжетом здесь, в общем-то, все хорошо: он степенно разворачивается, со знанием дела повышает градус абсурда и без каких-то демонстративных виражей удерживает читательское внимание – выехали на первое задание, на следующий день забрали сына из садика, а вот и ссоры с женой и новые подробности таинственной работы подоспели. Кроме того, сюжет здесь (за неимением более подходящих слов) актуальный и жестокий какой-то бессильной жестокостью – такое привычнее видеть в криминальной хронике, чем на страницах современной русской прозы: что-то вроде «хрупкая девушка нанесла обидчику десять ножевых ранений, мужчина скончался на месте, не переключайтесь». В иносказательной сумме все это вполне тянет на увесистое высказывание об отношениях человека и государства, но эта увесистость, пожалуй, как раз и является главной проблемой романа.

К чему клонит Сальников, становится понятно довольно рано, и хотя мысль эта, несомненно, благородная, иллюстрирующей ее сложносочиненной метафоры на весь роман как-то не хватает – более того, оголившаяся метафора словно размалывает романную фактуру в труху, лишает ее всякой самодостаточной ценности. Не помогают ни хорошо прописанный бытовой фон, ни забористое авторское остроумие, ни остальные удачи, которых здесь более чем достаточно. Даже редкий талант по примирению абсурдной романной реальности с абсурдной жизнью за окном так, чтобы ни одну из них не дискредитировать – и тот пасует перед заданностью авторского высказывания. Слишком ощутимо Сальников конструирует это самое высказывание, слишком уж хочет достучаться до читателя – мало кого подобные желания доводили до добра, и никаких исключений сегодня не предвидится. Сам того, возможно, не осознавая, автор сужает художественное пространство своей книги до врачебной воронки, которую, как заправский отоларинголог, вставляет в ухо читателю и принимается делиться своими открытиями. Да, жить иногда бывает зябко и страшно, да, здравый смысл давно уже потерян и до сих пор не найден, но зачем же так громко, господи, уберите руки и отойдите, пожалуйста, хоть на пару шагов.